

ЗАКОН ДЕЛОВОЙ ЭТИКИ

Что думают о будущем медиации в России те, кто сегодня работает в высших судебных органах, занятых разрешением экономических споров? Именно они яснее других представляют сегодняшнее положение вещей в этой области. Вот почему нам особенно интересно мнение Антона Александровича Иванова, председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, интервью с которым мы сегодня предлагаем вашему вниманию.

— **Каковы, на ваш взгляд, перспективы внедрения медиации — внесудебного разрешения споров — в России?**

— Сложные. Для развития медиации необходимо одновременное наличие нескольких условий. Ведение судебного процесса должно быть дорогим, его исход — непредсказуемым. Кроме того, должен существовать широкий круг авторитетных лиц, которые могут участвовать в медиации. И пока все эти факторы играют против полноценного развития медиации.

Если говорить о факторе стоимости процесса, то формально российское судопроизводство пока обходится спорящим сторонам не так уж дорого: и судебные издержки, и пошлины невысоки. В Европе и в США и судебные издержки, и пошлины на порядки выше, что делает судебный процесс чрезвычайно дорогостоящим. Естественно, в такой ситуации куда более предпочтительной становится практика досудебного урегулирования конфликтов. Могу сказать, что сегодня в России наблюдается тенденция к взиманию более высоких судебных издержек. Это показывает и опыт рассмотрения дел на президиуме Высшего арбитражного суда, где и подход к назначению издержек становится все более жестким, и суммы удерживаются все большие. Но хотя тренд очевиден, в целом ситуация далека от существующей в Европе или США.

Очевидно, что другой необходимый фактор — непредсказуемость исхода дела в суде — тесно связан с независимостью судебной системы от рынка, частных лиц, экономической ситуации, чиновников и пр. Чем больше независимости у судебной системы, тем больше перспектив для внедрения медиации.

Что касается посредников, то этические требования, предъявляемые к посреднику, должны быть не ниже тех, что предъявляются к судье. Посредник должен быть безупречен: только в этом случае люди будут ему доверять. Попробуйте найти американского адвоката, который оформит вам соглашение с одним акционером в обход остальных. Наверняка с поисками такого адвоката у вас возникнут проблемы. Это не значит, что их нет в Америке, но их меньшинство. Нам к этому надо стремиться. Неслучайно в качестве медиаторов в других странах нередко выступают судьи в отставке, которые зарекомендовали себя как люди, отвечающие высоким этическим требованиям.

— **Какие требования, на ваш взгляд, должны предъявляться к профессиональному медиатору?**

— Самое важное — владение юридическими навыками, основами судебной деятельности, так как только эти знания помогают грамотно оценить и объяснить перспективы дела. Второе

Чем больше независимости у судебной системы, тем больше перспектив для внедрения медиации

обязательное условие — знание основ психологии, умение сглаживать углы и устанавливать комфортное общение между спорящими сторонами. Знание экономических механизмов, наверное, тоже важно, но, на мой взгляд, в меньшей степени. Достаточно просто уметь показать экономическую неэффективность конфликта.

— Если у медиации в нашей стране такое непростое и трудно реализуемое будущее, как тогда объяснить, что именно сейчас в России возник интерес к новым формам разрешения споров, в том числе к медиации?

— Я думаю, это связано с тем, что мы от экстенсивного роста судебной системы и предпринимательских отношений переходим к интенсивной, к институционализации развития. Сегодня перед нами стоит задача наладить отношения внутри судейского и соответственно предпринимательского сообщества. И именно это вызывает интерес к идее развития внесудебного посредничества.

— Насколько востребована будет медиация российским бизнес-сообществом?

— На мой взгляд, применение медиации в коммерческих спорах связано со сложной проблемой этики ведения бизнеса. Человек, придерживающийся этических правил при ведении бизнеса, скорее будет прибегать к услугам посредника, чем тот, для кого эти правила — пустой звук. Необходимо создание такой системы, в которой быть этическим выгодно. Это основная проблема медиации с точки зрения восприятия ее бизнес-сообществом. Ведь пока предприниматели будут относиться к судебным процессам как к доблести, а именно так сейчас в большинстве случаев и происходит, медиации нет места. Рано или поздно эта бизнес-этика уйдет, это должно случить-

ся, так как для развитых бизнес-отношений характерно соблюдение этических правил, деловое сообщество будет консолидироваться, внутрикорпоративные правила станут жестче. И в этих условиях судебные процессы станут тяжелым ударом по репутации и финансам компании, а никак не ее достоинством. И вот такая ситуация позволяет прогнозировать бурное развитие медиации.

— Согласны ли вы с точкой зрения западных ученых и специалистов, считающих медиацию одним из элементов формирования гражданского общества?

— Безусловно. Медиация устанавливает новые неформальные связи между людьми. Связи, которые рассчитаны на поиск совместных нестандартных решений, приводящих к результату, который устроит обе стороны. Что в конечном итоге обеспечивает социальную стабильность.

— Как вы оцениваете законопроект о медиации и какие основные аспекты он должен отражать?

— В целом проект получился неплохим. Другое дело, что трудно формулировать нормы, когда не устоялся сам институт медиации. Практика, безусловно, потребует каких-то уточнений и изменений.

Высший арбитражный суд поддержал этот законопроект, предложив некоторые изменения, касающиеся участия судей в отставке. Сейчас было бы не вполне правильно допускать судей в отставке к участию в посредническом процессе, но не исключая, что в перспективе это могло бы быть целесообразно. Тем более что в нынешнем виде закон о статусе судей ничего не говорит о том, может судья в отставке быть посредником или нет. Объективно ничего страшного я в этом не вижу, тем более

фото | Александр ПУТЯТА

Необходимо создание такой системы, в которой быть этичным выгодно

что европейский опыт подсказывает: бывший судья — наиболее эффективный посредник. Правда, у нас и без медиации нередко на судей в отставку поступают жалобы, что они ведут дела в качестве адвокатов. Конечно, как адвокат он должен соблюдать определенные этические правила. Но их должен соблюдать любой адвокат, вне зависимости от того, кто он — судья в отставке или нет.

— Кстати, в последние годы во многих странах предпринимаются активные попытки интеграции медиации в судебную систему. К примеру, в Германии на протяжении более трех лет по заданию ЕС проводился «пилотный» проект «Судебная медиация», сопровождавшийся научно-исследовательской работой с целью использования полученного опыта в практической деятельности. В проекте участвовали суды шести земель и несколько десятков судей. Считаете ли вы, что и в России со временем подобное станет возможно?

— Не в ближайшем будущем. Пока все обстоит с точностью до наоборот. Мы встречаемся с очень серьезными жалобами в том случае, если судья проявляет больше внимания к одной из сторон. Это влечет за собой подозрения, а значит, и жалобы в вышестоящие инстанции, в квалификационные коллегии и т.д. Однажды к нам пришла жалоба на одного из членов нашего президиума, который, проходя в зал заседаний, кивнул знакомому профессору, выступавшему представителем по делу. Так что сейчас многие судьи ориентируются на подчеркнутую отстраненность. Недавно мы обсуждали проект постановления пленума, в котором, в частности, решается вопрос, как правильно поступать в том случае, если на собеседование явилась только одна сторона. Можно ли проводить собеседование, не дожидаясь второй стороны, или нет? И эта дискус-

сия — показатель того, что если сегодня судья, находящийся в должности, будет активно способствовать примирению, это скорее всего вызовет обвинения от тех или иных участников процесса.

— Даже если на предварительном слушании он предложит сторонам, одновременно находящимся в зале, обращение к медиатору, это тоже может быть истолковано превратно?

— Да, такие случаи тоже бывают, к сожалению. Вот, например, судья предложил помириться, а одна из сторон абсолютно уверена в своей правоте. Недовольные его предложением, они приходят к выводу, что таким образом судья помогает другой стороне. И, как ни парадоксально, предложение примирения приводит к жалобам.

Конечно, если судья предлагает помириться сторонам в соответствии с арбитражным процессуальным кодексом, никаких проблем не возникает. Но для того, чтобы стало возможным использование предложения примириться с помощью посредника, должно измениться отношение к суду.

— Медиация, наряду с другими ее преимуществами, может способствовать значительной разгрузке судов. Насколько сегодня судьи готовы к подобному сотрудничеству?

— Готовы ли судьи к внедрению медиации? Думаю, что они отнесутся к этому позитивно. Если стороны готовы обратиться к медиации, то почему судье не согласиться на это? Как я уже говорил, здесь проблема не в судье, а в сторонах. Сами стороны должны решиться пойти к посреднику.

— В Германии медиация используется и при рассмотрении налоговых споров. Насколько подобная практика применима в России?

— Мне она кажется очень позитивной. В Германии такой подход дает огромный эффект, большинство налоговых дел не доходит до суда. У нас другая ситуация. Нужно учитывать, что в России медиация в этой сфере станет возможной, если будет нормально выстроена административная процедура по обжалованию действий налоговиков. Пока она неэффективна, что подтверждается большим количеством отказов, получаемых в административном порядке, причем оно намного выше, чем процент отказов по тем же жалобам, получаемый в судах.

И могу заметить, что в этой сфере не обязательно ждать выполнения всех условий, необходимых для появления медиации. В налоговых спорах будет вполне оправданным ее искусственное внедрение.

— Но не получится ли так, что в налоговых спорах будет нарушен основополагающий принцип медиации — принцип равноправности и равноценности сторон? Не произойдет ли всего лишь простая смена вывески, а не сути, если сотрудники налоговых служб будут выступать посредниками в спорах налоговых органов и граждан?

— Да, налогоплательщик и налоговый орган находятся в неравном положении, но эта ситуация такова лишь в рамках налогового законодательства. А в рамках рассмотрения жалобы на действия налогового органа равенства нет. Не случайно же в нашем процессе принцип равенства всегда соблюдается, так что аналогичную логику можно применить и в налоговом споре.

Надо сказать, что сегодня в налоговом администрировании нет места для посредника. Оно и не появится, пока мы не изменим саму систему налоговых органов. Я не призываю назначать медиаторов так, как назначают судей. Но, во всяком случае,

назначать их нужно, следуя специальной процедуре, чтобы они никому не были обязаны своим местом и, главное, имели другие показатели в оценке, нежели сборы в бюджет по подведомственной территории.

— Может ли медиация эффективно использоваться в урегулировании трудовых споров и создании благоприятных условий взаимодействия в трудовых коллективах?

— Это большая и сложная проблема. В период рыночных преобразований трудовые отношения перестали быть четкими и стабильными. А процедура медиации в трудовых спорах эффективно работает только в условиях уважения к трудовому законодательству. Нужно, чтобы трудовые отношения стали такими же стабильными, какими они были в советские времена и какими они во многих европейских странах сейчас. В европейских странах судья зачастую занимает позицию в пользу работника. И при таком подходе медиация работает, потому что работодатель вынужден договариваться с работником, чтобы последствия были не очень тяжелы именно для работодателя.

— А как быть с топ-менеджерами?

— По спорам топ-менеджеров у медиации меньше перспектив, если только не будет создана жесткая контрактная система с прописанным механизмом бонусных выплат в случае отставки.

— Чего бы вы хотели пожелать журналу «Медиация и право. Посредничество и примирение»?

— Больших тиражей. Если ваш журнал будут читать много людей, это будет означать, что медиация становится популярной. ●

фото | Александр ПУГЯТА